

УДК 81'42, 82'02
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-88-96>

«В КАКОМ ГОДУ – РАССЧИТЫВАЙ, В КАКОЙ ЗЕМЛЕ – УГАДЫВАЙ...»: НЕКРАСОВ В ВОСПРИЯТИИ ЧИТАТЕЛЯ XXI ВЕКА

Валентина Данииловна Черняк¹, Мария Александровна Черняк²

^{1,2} *Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *vdcher@yandex.ru*

² *ma-cher@yandex.ru*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема восприятия канонических текстов русской литературы нашим современником. 200-летие Н. А. Некрасова является значимым поводом для рефлексии над местом наследия поэта в культурной памяти и языковом сознании молодого россиянина. Крылатые слова из произведений Некрасова на протяжении многих десятилетий являлись важной составляющей интертекстуального тезауруса носителей русского языка. В значительной степени это связано с неизменным местом произведений поэта в школьных программах по литературе.

Цель статьи – показать изменения в интертекстуальном тезаурусе, связанные с восприятием крылатых слов из произведений Некрасова.

Материал и методы. Крылатые слова из произведений Некрасова являются значимой частью корпуса прецедентных феноменов, представленных в сознании языковой личности. Об этом свидетельствуют данные лексикографических источников и Национального корпуса русского языка, а также материалы анкетирования современных писателей и критиков, осуществленного Центральной универсальной научной библиотекой имени Н. А. Некрасова к 200-летию поэта. Для исследования динамических процессов, характеризующих различия в культурной памяти молодежи, были использованы результаты массового опроса, в котором участвовало около 1 тыс. человек. Респонденты должны были определить авторство высказываний нескольких писателей и поэтов, в том числе Некрасова, и продолжить некоторые из них.

Результаты и обсуждение. Проведенный анализ анкет известных современных писателей и критиков и материалов опроса молодежи убедительно свидетельствует о значительном месте, которое по-прежнему принадлежит наследию Некрасова в современном культурном пространстве. В то же время подтверждается высказываемое многими авторами мнение о том, что в тезаурусе молодежи произведения Некрасова живут главным образом в форме клишированных фраз.

Заключение. Проведенный массовый опрос свидетельствует о явном изменении культурного кода молодого современника, о заметном оскудении интертекстуального тезауруса, что может быть препятствием для культурного диалога представителей разных поколений, для адекватного восприятия текстов.

Ключевые слова: *классический канон, культурный код, интертекстуальный тезаурус, цитация, прецедентные имена*

Для цитирования: Черняк В. Д., Черняк М. А. «В каком году – рассчитывай, В какой земле – угадывай...»: Некрасов в восприятии читателя XXI века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 88–96. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-88-96>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»).

“WHEN IT WAS – FIGURE OUT, WHERE IT WAS – GUESS...”: NEKRASOV IN THE PERCEPTION OF THE XXI CENTURY READER

Valentina D. Chernyak¹, Maria A. Chernyak²

^{1,2} *Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *vdcher@yandex.ru*

² *ma-cher@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The article deals with the problem of perception of the canonical Russian literature texts by contemporary readers. The 200th anniversary of N. A. Nekrasov is a significant occasion for reflection on the place of the poet's heritage in the cultural memory and linguistic consciousness of the contemporary Russian native speakers. 'Winged' words and expressions from Nekrasov's works have been an important part of the intertextual thesaurus of the native Russian speakers for many decades. Largely, it is due to unchangeable place of the poet's works in school literature programs.

The aim of the article is to show the changes in the intertextual thesaurus associated with the perception of winged words from Nekrasov's works.

Material and methods. 'Winged' words from Nekrasov's works are a significant part of the precedent phenomena corpus presented in the consciousness of a linguistic personality. The lexicographic sources and the Russian National Corpus evidence this. The data was also taken from a survey of contemporary writers and critics carried out by the Central Universal Science Nekrasov Library for the poet's 200th anniversary. The results of a mass survey in which about 1,000 people participated were used to study the dynamic processes characterizing the differences in the cultural memory of young people. The respondents had to determine the authorship of the expressions written by several writers and poets, including Nekrasov, and continue some of them.

Results and discussion. The analysis of the questionnaires of famous contemporary writers and Nekrasov's legacy still has a significant place in the modern cultural space. At the same time, the article results confirm the opinion that Nekrasov's works have mainly form of the clichéd phrases in the thesaurus of youth.

Conclusion. The conducted mass survey indicates a clear change in the cultural code of a young contemporary reader, a noticeable poverty of the intertextual thesaurus. This may be an obstacle to the cultural dialogue of different generations representatives, as well as to the adequate perception of texts.

Keywords: classical canon, cultural code, intertextual thesaurus, citation, precedent names

For citation: Chernyak V. D., Chernyak M. A. "V kakom godu – rasschityvay, V kakoy zemle – ugadyvay...": Nekrasov v vospriyatii chitatelya XXI veka ["When it was – figure out, Where it was – guess...": Nekrasov in the perception of the XXI century reader]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 88–96 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-88-96>

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number "20-512-18006 Bulg_a" ("Verbalization of cultural memory: precedent phenomena in psycholinguistic thesaurus of young Russians and Bulgarians").

Введение

Через крупный юбилейный дат XXI в. – 200-летие со дня рождения Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова – и общественный отклик на них убедительно показали, что литературный юбилей перестал быть только данью памяти, но стал мощным культурным катализатором, влияющим на состояние исторической памяти общества, индикатором изменения культурного кода и языковой картины мира – «статичного, относительно стабильного неперсонального образования, в основных своих позициях стандартного для всех носителей данного языка и культуры и мало изменяющегося в пределах жизни двух-трех поколений» [1, с. 9].

Еще в 1987 г. Ю. М. Лотман писал, что «празднование юбилеев является... ключом к пониманию духовных устремлений и идеологии времени» [2, с. 63]. Литературный юбилей – это своеобразный объект мифологизации и философской рефлексии, несущий в себе определенную идеологическую направленность. Кроме того, в современной социокультурной ситуации очевидно и то, что происходит тотальное присвоение юбиляра массовой культурой.

200-летие со дня рождения Н. А. Некрасова (10 декабря 2021 г.) послужило поводом не только для нового обращения к его творчеству, но и для размышлений о том, как классические произведения поэта живут в сознании нашего современника.

Ю. М. Лотман, размышляя о так называемых канонических текстах, писал о скрытых в них источниках информативности, о том, что текст, «в котором все, казалось бы, заранее известно, становится мощным регулятором и строителем человеческой личности и культуры» [3, с. 247]. Содержание и язык классического произведения при его восприятии, с одной стороны, редуцируется до «горизонта ожидания» исторической эпохи, с другой стороны, становится «возбудителем» сознания и порождает тексты, в которых расширяется и углубляется познание современности. В то же время канонизированный текст нередко становится источником тиражированных формул и приемов.

Взаимоотношение текстов канонических и неканонических в сфере образования издавна привлекало внимание. Уже с конца XVIII в. становится актуальным обсуждение места в гимназиях современной литературы. С середины XIX в. новейшая литература становится неотъемлемой частью

курса словесности. Преподаватели гимназий и университетов обращались на занятиях к недавно опубликованным произведениям. Студентка Смольного института, ученица знаменитого филолога и методиста В. И. Водовозова вспоминала, какое впечатление произвело на институток прочитанное преподавателем стихотворение Н. А. Некрасова: «Окончив стихотворение „Чернь“, Василий Иванович заметил, что на ту же тему Некрасовым написано „Поэт и гражданин“ (мы в первый раз услышали имя этого поэта), и опять от начала до конца, так же прекрасно и тоже наизусть, он произнес это стихотворение, а затем приступил к объяснению. <...> Все это противоречило тому, что мы до сих пор слышали, все это в высшей степени заинтересовало нас и впервые заставило серьезно работать наши головы» [4, с. 202].

Наш современник писатель Александр Мелихов пишет: «Земной Некрасов делает ровно то же самое дело, что и неземной Пушкин, но его дудочку слышат многие из тех, кто остался бы глух к пушкинской лире. А особые счастливицы умеют наслаждаться и немудрящей мелодией некрасовской дудочки, и божественными аккордами пушкинской лиры. Особенно в разную пору своей жизни» [5, с. 235].

Неизменное место Некрасова в школьных программах по литературе с конца XIX в. и по сей день обеспечило ему особую роль не только в русской культуре, но и в языковом сознании любого носителя русского языка.

Цель статьи – показать изменения в интертекстуальном тезаурусе, связанные с восприятием крылатых слов из произведений Некрасова.

Материал и методы

Тексты стихотворений и поэм Н. А. Некрасова являются значимой составляющей культурного кода нашего современника, требующей своего исследования. Материалом статьи послужили результаты эксперимента, в котором участвовало около 1 тыс. человек. Участники эксперимента должны были определить авторство цитат, среди которых было представлено 10 наиболее частотных высказываний Некрасова, и продолжить некоторые из предложенных цитат. В статье использовались также некоторые материалы проекта, осуществленного московской Центральной универсальной научной библиотекой имени Н. А. Некрасова к 200-летию поэта, и материалы Национального корпуса русского языка.

Результаты и обсуждения

Литературный канон – это наиболее известные (и цитируемые) в национальной культуре авторы и произведения (или даже фрагменты произведе-

ний), наделяемые маркером «главный» («лучший») критиками, экспертами, читателями, участниками литературного процесса в конкретную историческую эпоху. М. Гронас в статье «Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом» справедливо замечает, что «каноничность – это исторически делящаяся популярность» [6, с. 86]. Вневременной характер восприятия понятия «классика» подчеркивает В. М. Маркович: «Произведения, входящие в число классических, явственно отличает иной тип отношений со временем и прежде всего способность диалектически соединять злободневное с непреходящим и универсальным» [7, с. 56]. Сегодня на фоне инфляции классического наследия тексты русской классики встраиваются в новую сеть отношений. Если для гимназистов XIX в. произведения Толстого, Тургенева, Достоевского, Некрасова звучали внятными голосом современников, то для школьников XXI в. они часто являются непонятными, требующим «перевода» голосом из далекого прошлого.

Между тем классическая литература, оставаясь центральным компонентом культуры, задает общую систему координат, играет роль горизонта, к которому устремлены взгляды современных писателей. Для современной литературы классика становится своеобразным резервуаром, откуда она черпает мотивы, сюжеты, темы. Однако их восприятие предполагает наличие общего культурного кода, который и призвана сформировать школа. По мнению социолога литературы Б. Дубина, в школе «классические произведения включаются в процессы общей социализации – усвоения норм правильного поведения», но при этом «школьные программы по литературе... приходят во все большее противоречие с реальными ориентациями и кругом чтения подростков и молодежи» [8, с. 39]. Дефицит читательской компетенции, несомненно, связан с определенной культурной аллергией на школьный курс литературы.

Некрасов представлен в школьной программе достаточно полно. С начальной школы до 10-го класса 46 текстов поэта (от «Дедушка Мазай и зайцы» до «Кому на Руси жить хорошо») входят в читательское сознание подростков. Интересно в связи с этим воспоминание писательницы М. Кучерской: «Поэзия Некрасова была признана идеологически правильной и канонизирована. Некрасов как печальник земли Русской, заступник народный и т. п. прочно вошел в школьную программу, стихи его задают учить наизусть уже в младших классах. Неудивительно: их смысл ясен даже малым детям. Отлично помню, как мы с подружкой читали друг другу на продленке заданный на завтра отрывок – „Выдь на Волгу: чей стон раздается... Этот стон у нас песней зовется – то бурлаки идут бечевою!..“

Читали не без чувства, на бурлаках девичье сердце и вовсе сжималось нешуточно» [9, с. 266].

Для определения роли наследия поэта в современном социуме Центральной универсальной научной библиотекой имени Н. А. Некрасова к 200-летию писателя был осуществлен интересный социокультурный проект. Он имеет давнюю традицию, о которой свидетельствуют материалы сайта <https://anketa.nekrasovka.ru/about/nekrasov-project>. «На каждого писателя, произведения которого живут в течение нескольких эпох, всякая новая эпоха накладывает новую сетку, или решетку, которая закрывает в образе писателя всякий раз другие черты – и открывает иные», – записал когда-то Корней Чуковский в своем дневнике.

120 лет назад, в 1902 г., по его инициативе известным писателям была предложена анкета о месте Некрасова в их творчестве и в современной жизни. Опросы прежних лет были продолжены в 1986 г. по инициативе библиотеки имени Н. А. Некрасова. Ответы на вопросы анкеты прислали тогда Л. Аннинский, А. Кушнер, Б. Окуджава и многие другие известные литераторы. Следуя восстановленной традиции, в 2016–2017 гг. «Некрасовка» вновь распространила анкету, получив ответы на десять вопросов о Некрасове современных поэтов, писателей и филологов. Наконец, в 2021 г. к 200-летию Некрасова библиотека предложила обновленную анкету 28 писателям, критикам, филологам (А. Архангельский, А. Генис, К. Букша, Д. Драгунский, А. Варламов, Н. Иванова и др.). Полученные ответы на вопросы анкеты, представленные на сайте проекта, по мнению организаторов, «точно так же, как и сто двадцать, и сто лет назад, многое говорят о великом поэте, но еще больше о нас, нынешних его читателях».

Эти материалы, свидетельствующие о том, что для большинства опрошенных место Некрасова и в литературе, и в жизни общества по-прежнему значительно (ср. замечание писателя Р. Сенчина: «Он нужен, его стихотворения необходимы, как лекарство или как витамины»), хотя и требует современной рефлексии, представляют интерес и в ориентациях нашей работы, связанной с исследованием динамики культурного кода.

Многие современные писатели говорили о том, что некрасовские строки живут в их памяти с детства, со школьных лет (хотя впечатления о школьном изучении поэзии Некрасова во многом негативные), вызывают устойчивые ассоциации, прочно закрепившись, пользуясь языком современной лингвистики, в ассоциативно-вербальной сети. Приведем несколько показательных фрагментов ответов на вопросы анкеты:

«Некрасов пришел ко мне одновременно со сказками Пушкина и малороссийскими повестями

Гоголя. Таков был мой литературный мир дошкольного детства. <...> Меня отравили этой *предсказуемостью его цитат* (здесь и далее курсив наш. – В. Ч., М. Ч.)» (Н. Иванова).

«„Однажды в студеную зимнюю пору...“ – это первое некрасовское, что *влезло в детское ухо*» (В. Сорокин).

«*Некрасов цитатами все время всплывает*» (Л. Петрушевская).

«...*Какие-то строки, запавшие с самого детства, помнятся и сейчас*. Ну, например, хрестоматийное: „А Дарья стояла и стыла в своем заколдованном сне“; „Да не робей за отчизну любезную...“; „И пошли они, солнцем палимы...“. Или, например, *когда бываю в Питере и прохожу через Сенную площадь, вспоминается про Музу и ее сестру*. А чем близка его поэзия? Певучестью, простотой, ясностью, наглядностью» (А. Варламов).

«Для меня беда с Некрасовым в том, что он *разошелся на идиомы, на устойчивые обороты*, которые используются так же, как пословицы или цитаты из „Бриллиантовой руки“, – *полупустые словосочетания, которыми можно на автомате, иронически или через губу комментировать события, явления, процессы, настроения, состояния*. От „*веди меня в стан погибающих*“ до „*ликующих, праздничноболтающих*“, от „*что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет*“ до „*не торговал я лирой, но бывало*“, от „*удалась мне песенка, молвил Гриша, прыгая*“ до... – я, честно говоря, *даже не хочу проверять, правильно ли цитирую*, потому что это уже даже и не воспринимается как *цитата* – *это монеты, слишком долго ходившие по рукам и поэтому почти утратившие авторство и вообще „оригинал“*. Удивительным образом, читая целиком Ленина, я обнаружил, что тот тоже – *разумеется, зная и чувствуя Некрасова в миллион раз глубже, чем я, и воспринимая его всерьез, как идеолога значимой статусной группы*, – уже тогда тоже пользовался им кстати и некстати как *банком ярких речевых блоков и компактных образов, которыми всегда можно декорировать свое высказывание – на любую, в общем, тему*. Не факт, что такого рода „*распыление*“ – проблема только Некрасова; примерно то же самое в какой-то момент произошло, например, с Гребенщиковым» (Л. Данилкин).

«Я уж не говорю про две строчки в середине, которые *ушли в присказку* и употребляются совсем в иных случаях, не в гражданственных, а когда мы говорим иронически, про себя: «Жаль только – жить в эту пору прекрасную / Уж не придется – ни мне, ни тебе». То есть *Некрасов у нас теперь записан на подкорке*» (Д. Воденников).

«Отдельные его стихи, строфы, строки, фразы останутся популярными надолго, а может,

и навсегда. В конце концов, практически никто не помнит и не обязан помнить, откуда взялось выражение «растекаться мыслию по древу» – но эта фраза XII в. до сих пор живет в русском языке. Так же и *мы будем помнить деда Мазая, мужичка-с-ноготок, полным-полную коробушку и, конечно, „коня на скаку остановит, в горящую избу войдет“*» (Д. Драгунский).

В приведенных высказываниях по-разному, но вполне отчетливо сформулирована важная для нас мысль о том, что цитаты из произведений Некрасова являются значимой частью интертекстуального тезауруса современника. «Интертекстуальным тезаурусом» Н. А. Кузьмина называет интертекстуальные компоненты, представляющие собой «совокупность всех элементов, которые говорящий считает „чужими“ при восприятии некоторого сообщения/текста и которым он придает статус цитатных при порождении собственных высказываний/текстов» [10, с. 190]. Интертекстуальный тезаурус языковой личности представляет собой динамичную систему. Важным оказывается и понятие «интертекстуальная компетенция», которая предполагает распознавание и понимание разнообразных интертекстуальных единиц [11, с. 745].

Различие культурного кода представителей разных поколений является предметом рефлексии в художественных текстах современных авторов. Писатель Б. Ханов вкладывает ее в уста своего персонажа, Глеба Веретинского, вузовского преподавателя русской литературы (курсив в тексте наш. – В. Ч., М. Ч.):

– По значимости, – продолжил Веретинский, – Гейне уж точно не уступает ни Рембо, ни Верлену, ни Бодлеру с Малларме. Это гордость немецкой нации и любимый поэт Эйнштейна.

Глеб осекся, сообразив, что говорит как «Википедия». Арлеккиновцы эту энциклопедическую информацию, к счастью, не распознали.

– Все равно это архаично, – осмелившись, возразил битник. – Ваш Гейне безнадежно устарел. *Когда-то и Некрасов считался ультрамодным, а кто сегодня читает Некрасова?*

– *Я читаю*, – сказал Глеб. – По-вашему, я тоже устарел? Жаль, ведь я полагал, что *великие стихи не имеют срока годности* (Ханов Б. Гнев).

О месте прецедентных феноменов из произведений Некрасова в современной речи выразительно свидетельствует Национальный корпус русского языка. Например, в основном, газетном и региональном подкорпусах представлено 38 вхождений одного из наиболее популярных некрасовских афоризмов – «*Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет*». Приведем некоторые из них:

1. Татьяна была чудесный, настоящий человек. Это про нее сказал Некрасов: «*Коня на скаку оста-*

новит, в горящую избу войдет». Ничего она не боялась, все делала просто и весело (Грекова И. Хозяева жизни).

2. Мужчины – они трусы! Бомж или олигарх – нет никакой разницы. На войну пойдут, революцию сделают, а в любви предадут. Женщина сильнее: «*Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет*» (Алексиевич С. Время second-hand).

3. Мне, выпускнику технического вуза, заявление это показалось пижонством. А вот Коржавина я любил, и он был мне по духу близок. Особенно стихи «Мужчины мучили детей» и замечательное восьмистишие, посвященное русским женщинам: Столетье промчалось, и снова, / Как в тот незапамятный год, / *Коня на скаку остановит, / В горящую избу войдет* (Городницкий А. И жить еще надежде).

4. 38-летняя мать двух любимых детей, жена любимого и могучего мужа, бывшая рекордсменка мира, любовница блестящего русского джентльмена, настоящая русская женщина, способная к самопожертвованию, «*коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...*». В зеркале ее очертания были уже еле-еле видны, а потом и совсем исчезли (Аксенов В. Остров Крым).

5. Кто еще так писал о русских женщинах, как Некрасов: «*Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет!*» Через столетие эти строки убийственно перефразировал Наум Коржавин (Евтушенко Е. В начале было слово // Труд-7. 2003.07.03).

6. Узнав, что случилось, она огрела грабителя по голове сумкой с продуктами. А тут и милиция подросла.

– *Я ведь казачка донская. Это про нас говорят: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»,* – объясняет Елена Руденко свой поступок и потирает искусанную руку. – А этот гад у меня телефон вздумал отобрать! (Родкин А. Она скрутила грабителя в метро // Комсомольская правда. 2004.11.21).

Отчетливо вырисовывается значение «о силе русской женщины». Здесь можно говорить о явной фразеологизации прецедентного высказывания [12, с. 75]. Н. Г. Брагина, оценивая лингвокультурную роль клише, отмечает: «Клише является единицей, готовой к употреблению, к встраиванию в различные типы текстов. И, следовательно, обычно используется носителями языка безотчетно и машинально. Полное отсутствие новизны и оригинальности компенсируется экономичностью (интеллектуальные затраты на воспроизводство клише минимальны) и общедоступностью: клише не возбуждает мысль, но рождает быстрое узнавание и понимание, и искусство ведения диалога часто строится на умении правильно отбирать (с учетом ситуации, темы разговора и адресата) и использо-

вать клише. Владение языком предполагает свободное владение клише» [13, с. 359]. Клишированность многих прецедентных высказываний Н. А. Некрасова, берущая истоки в школьном курсе литературы, не вызывает сомнений.

А. А. Леонтьев пишет о «памяти фразы», которая отличается от «памяти содержания» тем, что в ней смысловая организация текста выступает исключительно как средство запоминания, как своего рода вспомогательный прием. Типичный случай такой памяти – память школьника, выучивающего «Однажды в студеную зимнюю пору...». Осмысление этого и любого другого аналогичного текста хотя и сильно ускоряет и облегчает запоминание, но отнюдь не является обязательным условием [14, с. 183]. Подобную «память фразы» отмечали и многие участники описанного выше проекта. Она отражена и в значительном числе текстов. Приведем лишь один пример.

Профессор Пермского государственного университета М. П. Котюрова, вспоминая начало 1950-х гг., время учебы в школе небольшого отдаленного райцентра, пишет: «В седьмом классе нам было дано задание написать домашнее сочинение о Волге. Мелькнула лишь одна-единственная строчка: «О Волга, колыбель моя...», а мысли о Волге не возникло никакой» [15, с. 36]. Здесь примечательны следы школьного заучивания наизусть большого количества стихотворений, обеспечивающего пополнение (хотя нередко формальное) интертекстуального тезауруса школьника.

Интертекстуальные элементы из произведений Некрасова широко представлены в словарях крылатых слов. Нами была осуществлена сплошная выборка из одного из последних по времени словарей крылатых слов – «Настольного словаря цитат» авторитетного лексикографа К. Душенко [16]. В нем представлено 38 единиц из произведений Некрасова. Приведем лишь некоторые из них:

*Белинского и Гоголя / С базара понесет;
Бывали хуже времена, но не было подлей;
В полном разгаре страда деревенская;
Вырастешь, Саша, узнаешь;
Есть женщины в русских селеньях;
И пошли они, солнцем палимы;
Коня на скаку остановит, / В горящую избу войдет;
Мужичок с ноготок;
Однажды в студеную зимнюю пору;
Поздняя осень. Грачи улетели;
Этот стон у нас песней зовется.*

Зафиксированные в словаре высказывания повторяются во многих словарях крылатых слов, хотя 32 единицами корпус ставших крылатыми некрасовских слов и оборотов, конечно, не исчерпывается. Так, за пределами словаря оказались такие

часто воспроизводимые высказывания, как: *Откуда дровишки; Муза мести и печали; Идет-гудет Зеленый Шум; Вчерашний день часу в шестом зашел я на Сенную; Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей.*

Для определения места языковых единиц, связанных с творчеством Н. А. Некрасова, в рамках общего исследовательского проекта, предусматривающего сопоставление интертекстуального тезауруса молодежи России и Болгарии (см. о нем подробнее в [17]) был проведен эксперимент, осуществлявшийся в несколько этапов. На первом этапе 10 специалистов-филологов методом интроспекции выделяли в своем интертекстуальном тезаурусе выражения, принадлежащие выбранным для эксперимента авторам, в частности Некрасову. На втором этапе экспертной группой из всей совокупности представленных респондентами воспроизводимых лексических единиц по каждому автору выделялись повторяющиеся высказывания и на основе частотности формировался список для дальнейшего исследования. В результате на основе частотности был сформирован следующий список из 10 прецедентных высказываний:

1. *Кому на Руси жить хорошо?*
2. *Дедушка Мазай и зайцы.*
3. *Однажды в студеную зимнюю пору...*
4. *Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...*
5. *Мороз, красный нос.*
6. *Идет-гудет Зеленый Шум.*
7. *Жаль только – жить в эту пору прекрасную / Уж не придется – ни мне, ни тебе.*
8. *Долюшка русская, долюшка женская.*
9. *Выдь на Волгу.*
10. *Мороз-воевода дозором.*

Эти прецедентные высказывания наряду с высказываниями других авторов, включенными в структуру анкет, были распределены по трем вариантам, каждый из которых включал два задания. В первом требовалось определить авторство предложенных высказываний, во втором – продолжить приведенные фрагменты высказываний (*Поэтом можешь ты не быть...; Мороз-воевода дозором...; Откуда дровишки? ...; Выдь на Волгу, чей стон раздастся...; И пошли они...; Коня на скаку остановит...).*

Ответы на вопросы давались в электронном формате, при этом участникам опроса в инструкции объяснялись его задачи, предполагающие ориентацию только на собственное языковое сознание и исключая использование интернет-ресурсов.

Всего в опросе приняли участие 978 респондентов из 14 городов России и ряда зарубежных стран. Подавляющее большинство опрошенных – молодые

люди, в основном студенты вузов и учащиеся старших классов.

Обратимся к анализу результатов опроса. К сожалению, самым распространенным ответом (более 55 % респондентов) явился ответ *не помню*. Здесь уместно привести слова филолога В. С. Елистратова: «Современный человек – это не „человек разумный“, а человек в первую очередь „плохо помнящий“. „Да, да, да... чего-то такое слышал... но точно не помню...“ – вот дежурная фраза человека эры „незаучивания стихов наизусть“» [18, с. 218].

Полученные результаты, безусловно, свидетельствуют о невысокой степени прецедентности предложенных высказываний, несмотря на то что произведения Некрасова, как было отмечено выше, по-прежнему занимают в школьной программе по литературе прочное место, его тексты изучаются практически в каждом классе – от начальной до старшей школы.

Неудачные попытки респондентов определить авторство высказываний свидетельствуют о «культурной глухоте», препятствующей распознаванию единого культурного кода [12, с. 215]. Очевидно, что респонденты, приписывающие авторство некрасовских строк Достоевскому или Ильфу и Петрову, даже не ощущают различия поэзии и прозы.

Обращает на себя внимание стереотипность навыков, сформированных бесконечным выполнением в школе тестовых заданий. Респонденты, узнав отдельные хрестоматийные фразы, автоматически приписывают остальные квазизнакомые высказывания знакомым, указанным в анкете авторам. При этом круг имеющихся в тезаурусе молодых людей поэтов не расширяется.

Несомненна связь некрасовских крылатых слов и оборотов с детским чтением (прежде всего это предложенные высказывания *Дедушка Мазай и зайцы*, *Мороз, красный нос*, *Однажды в студеную зимнюю пору*). Их авторство (а ассоциативно и авторство других высказываний) приписывается дет-

ским писателям и поэтам. Так, высказыванию *Мороз-воевода дозором приписывается авторство А. Барто, братьев Grimm, А. Линдгрена, Т. Янссона; высказывание Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...* – В. Маяковскому, А. Барто, Дж. Толкину, А. Линдгрена, Дж. Родари. Наблюдается уже отмеченное ранее свидетельство того, что тексты детской литературы особенно прочно закреплены в языковом сознании и спонтанно используются в самых разнообразных коммуникативных ситуациях [17]. Этот механизм сработал и в процессе рефлексии над цитатами Н. А. Некрасова.

К интересным выводам приводит и анализ заданий на завершение крылатых выражений. Здесь в подавляющем большинстве случаев наблюдается правильное или частично правильное завершение. Это кажущееся противоречие с описанными выше результатами опроса на самом деле служит еще одним подтверждением тезиса о регулярной воспроизводимости клишированных фраз, о фразеологизации многих из них [19].

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о заметных изменениях в восприятии канонических текстов русской литературы нашим современником [20]. 200-летие Н. А. Некрасова явилось значимым поводом для рефлексии над наследием поэта в сознании молодежи XXI в. и определении места крылатых слов из его произведений в интертекстуальном тезаурусе [21].

Культуролог М. Эпштейн пишет о том, что «теперь кавычки уже впитались в плоть каждого слова» [22, с. 281]. Проведенный массовый опрос убедительно свидетельствует о снижении степени прецедентности хрестоматийных некрасовских цитат, об их клишированности. Наблюдается явное изменение культурного кода молодого современника, что может являться препятствием для адекватного восприятия текстов.

Список источников

1. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009. 336 с.
2. Лотман Ю. Пушкин 1999 года. Каким он будет? // Таллинн. 1987. № 1 (52). С. 56–64.
3. Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Избранные статьи. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 243–247.
4. Попова Н. Александр Грибоедов против Марии Ватутиной, или Нужно ли школьным учителям преподавать современную литературу // Знамя. 2011. № 5. С. 202–210.
5. Мелихов А. М. Муза мести и радости // Нева. 2010. № 2. С. 233–242.
6. Гронас М. Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 5 (51). С. 68–89.
7. Маркович В. М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 55–60.
8. Дубин Б. Классика, после и рядом: социологические очерки по литературе и культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 345 с.

9. Кучерская М. А. Данс макабр Николая Некрасова // Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. СПб.: Лимбус-Пресс, 2010. Т. 1. С. 265–298.
10. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями: феномены языка и культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2011. 271 с.
11. Вознесенская М. М., Шмелева Е. Я. О проекте словаря «Интертекстуальный тезаурус современного русского языка»: книжный vs мультимедийный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог-2019». М., 2019. С. 744–753.
12. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
13. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.
14. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 307 с.
15. Котурова М. П. Искорки памяти. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2021. 75 с.
16. Душенко К. В. Настольный словарь цитат: теперь вы знаете, кто это сказал. М.: КоЛибри, 2017. 622 с.
17. Черняк В. Д., Черняк М. А. Возьмемся за руки, друзья: Булат Окуджава в интертекстуальном тезаурусе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. Вып. 6 (218). С. 7–16.
18. Елистратов В. Паронимия, как и было сказано... // Знамя. 2002. № 10. С. 217–218.
19. Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П. Крошка сын к отцу пришел: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы. Опыт словаря / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 216 с.
20. Düring M. Canon Formation in the Soviet Union: The Case of Swift as an Author of a Children’s Classic // Canon Constitution and Canon Change in Children’s Literature / eds. B. Kümmerling-Meibauer, A. Müller). New York and London: Routledge, 2017. P. 72–84.
21. Головин В. Не любо – не слушай: небылица о Мазае – Мюнхгаузене // Детские чтения. 2012. № 1. С. 67–77.
22. Эпштейн М. Постмодерн в России. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.

References

1. Karaulov Yu. N., Filippovich Yu. N. *Lingvokul'turnoye soznanie russkoy yazykovoy lichnosti. Modelirovaniye sostoyaniya i funktsionirovaniya* [Linguistic and cultural consciousness of the Russian language personality. Modeling the state and operation]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. 336 p. (in Russian).
2. Lotman Yu. Pushkin 1999 goda. Kakim on budet? [Pushkin 1999. What will he be like?]. *Tallinn*, 1987, no. 1 (52), pp. 56–64 (in Russian).
3. Lotman Yu. M. Kanonicheskoye iskusstvo kak informatsionnyy paradoks [Canonical art as an informational paradox]. Lotman Yu. M. *Izbrannyye stat'i. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles on the semiotics of culture]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. Pp. 243–247 (in Russian).
4. Popova N. Aleksandr Griboyedov protiv Marii Vatutinoy, ili Nuzhno li shkol'nyim uchitelyam prepodavat' sovremennuyu literaturu [Alexander Griboyedov vs. Maria Vatutina, or do school teachers need to teach modern literature]. *Znamya*, 2011, no. 5, pp. 202–210 (in Russian).
5. Melikhov A. M. Muza mesti i radosti [The Muse of Revenge and Sorrow]. *Neva*, 2010, no. 2, pp. 233–242 (in Russian).
6. Gronas M. Bezimyannoye uznavaemoye, ili kanon pod mikroskopom [Nameless recognizable, or canon under a microscope]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2001, no. 5 (51), pp. 68–89 (in Russian).
7. Markovich V. M. K voprosu o razlichenii ponyatiy “klassika” i “belletristika” [On the issue of distinguishing between the concepts of “classics” and “fiction”]. *Klassika i sovremennost'* [Classics and modernity]. Eds P. A. Nikolayeva, V. E. Khalizeva. Moscow, MGU Publ., 1991. Pp. 55–60 (in Russian).
8. Dubin B. Klassika, posle i ryadom: sotsiologicheskiye ocherki po literature i kul'ture [Classics, after and next: sociological essays on literature and culture]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2010. 345 p. (in Russian).
9. Kucherskaya M. A. Dans makabr Nikolaya Nekrasova [Dans makabr of Nikolay Nekrasov]. *Literaturnaya matritsa. Uchebnik, napisannyi pisatelyami* [The literary matrix. A textbook written by writers]. Saint-Petersburg, Limbus-Press Publ. 2010. Vol. 1. Pp. 268–298 (in Russian).
10. Kuzmina N. A. *Intertekst: tema s variatsiyami: fenomeny yazyka i kul'tury* [Intertext: the theme with variations: phenomena of Language and Culture]. Moscow, URSS Publ., 2011. 271 p. (in Russian).
11. Voznesenskaya M. M., Shmeleva E. Ya. O proyekte slovarya “Intertekstual'nyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka”: knizhnyy vs. mul'timediynnyy [About the project of the dictionary “Intertextual thesaurus of the modern Russian language”: book vs. multimedia]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog 2019”* [Computational linguistics and intelligent technologies: Based on the materials of the international conference “Dialogue 2019”]. Moscow, 2019. Pp. 744–753 (in Russian).
12. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1996. 284 p. (in Russian).

13. Bragina N. G. B. *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in language and culture.]. Moscow, 2007. 520 p. (in Russian).
14. Leont'ev A. A. *Psikholingvisticheskiye edinitsy i porozhdeniye rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic units and the generation of speech utterance]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 307 p. (in Russian).
15. Kotyurova M. P. *Iskorki pamyati* [Sparks of memory]. Perm, Izd-vo Perm. gos. nats. issled. un-ta Publ., 2021. 75 p. (in Russian).
16. Dushenko K. V. *Nastol'nyy slovar' tsitat: teper' vy znayete, kto eto skazal* [Desktop Dictionary of Quotes: Now you know who said it]. Moscow, KoLibri Publ., 2017. 622 p. (in Russian).
17. Chernyak V. D., Chernyak M. A. *Voz'memsa za ruki, druz'ya: Bulat Okudzhava v intertekstual'nom tezauruse* [Let's join hands, friends: Bulat Okudzhava in the intertextual thesaurus]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2019, vol. 6 (218), pp. 7–16 (in Russian).
18. Elistratov V. *Paronimiya, kak i bylo skazano...* [Paronymy, as said...]. *Znamya*, 2002, no. 10, pp. 217–218 (in Russian).
19. Chernyak V. D., Sidorenko K. P., Nosova E. P. *Kroshka syn k ottsu prishel: pretsedentnyye imena i vyskazyvaniya iz detskoy literatury. Opyt slovarya* [Baby son came to his father: Precedent names and sayings from children's literature. Dictionary Experience]. Saint-Petersburg, 2021. 216 p. (in Russian).
20. Düring Michael. Canon Formation in the Soviet Union: The Case of Swift as an Author of a Children's Classic. *Canon Constitution and Canon Change in Children's Literature*. Bettina Kümmerling-Meibauer & Anja Müller (eds.). New York and London, Routledge Publ., 2017. Pp. 72–84.
21. Golovin V. *Ne lyubo – ne slushay: nebylitsa o Mazaye – Myunkhgauzene* [Do not like – do not listen: fiction about Mazai – Munchausen]. *Detskiye chteniya – Children's readings*, 2012, no. 1, pp. 67–77 (in Russian).
22. Epshteyn M. *Postmodern v Rossii* [Postmodern in Russia]. Moscow, Izdaniye R. Elinina Publ., 2000. 368 p. (in Russian).

Информация об авторах

Черняк В. Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Набережная р. Мойки, 48, г. Санкт-Петербург, Россия, 191186).

Черняк М. А., доктор филологических наук, профессор, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Набережная р. Мойки, 48, г. Санкт-Петербург, Россия, 191186).

Information about the authors

Chernyak V. D., Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Moyka Emb., 48, Saint Petersburg, Russia, 191186).

Chernyak M. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Moyka Emb., 48, Saint Petersburg, Russia, 191186).

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 28.01.2022; accepted for publication 29.03.2022